

Задача рецензируемой книги — помочь сотрудникам музеев при атрибуции и обработке материала по народному костюму. За многие годы в краеведческих и некоторых центральных музеях собраны богатые коллекции народной одежды. Однако установить время и место бытования того или иного костюма иногда бывает затруднительно, поскольку отсутствуют карточки предметов народной одежды, многие экспонаты не аннотированы, их датировка также бывает неудовлетворительной.

В рассматриваемом определителе выделены несколько историко-этнографических регионов, что обусловлено расселением русских и ряда других народов на территории Европейской части России и исторически сложившимися здесь комплексами одежды, близостью покроя, используемых материалов, особенностями декоративного решения и другими признаками.

Костюм народов Европейской России рассматривается по следующим регионам: Центральный район, Лесостепной район, Юго-Восток, Европейский Север, Среднее Поволжье и Приуралье, Дон и Северный Кавказ. В Центре Европейской части России выделяются: Промышленный центр, северо-западные, западные и южные губернии.

Особый интерес вызывает материал, посвященный одежде народов Европейского Севера, Среднего Поволжья и Приуралья — коми, коми-пермяков, карел, мордвы, удмуртов, марийцев, чувашей, поволжских татар, башкир.

Авторы приняли единую схему изложения материала: рассматривается мужская и женская одежда, мужские и женские головные уборы, мужская и женская обувь, что позволяет создать впечатление о народной одежде как об ансамбле. В главе «Русские Среднего Поволжья и Приуралья» выделены разделы о тканях, из которых изготавливалась одежда.

В книге имеется приложение, где содержатся некоторые сведения по истории русской народной одежды. Несомненный интерес представляет и приведенный в конце Определителя список литературы.

Иллюстративный материал дает понятие о видах и формах одежды, ее конструктивно-декоративных решениях. Народный костюм в иллюстрациях показан как ансамбль, включающий головной убор, обувь, украшения.

Однако, по-видимому, иллюстрации было бы целесообразнее распределить в соответствии с главами или поместить в самом конце книги. Вызывает сожаление невысокое качество печати и отсутствие цветных вкладок. Следовало бы часть фотографий заменить чертежами. Это позволило бы точнее передать форму, покрой, колорит, декор костюма.

Рецензируемая книга задумана как руководство для музейных работников. Однако она, безусловно, может быть использована более широким кругом специалистов. Это полезное пособие для студентов-этнографов, для художников-костюмеров и конструкторов, проектирующих современную одежду.

Приходится пожалеть, что книга вышла небольшим тиражом.

Ф. М. Пармон

Дзіцячы фальклор. Складальнік Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1972, 763 стр.

Внимание к детскому фольклору, несколько оживившееся за последнее время, вполне закономерно. Являясь одной из самых малоисследованных областей народного творчества, он настоятельно требует тщательного изучения и собирания.

Многочисленные дореволюционные материалы как русского, так и белорусского и украинского детского фольклора, собранные и опубликованные П. В. Шейном, А. Ф. Можаровским, Е. А. Покровским, Л. П. Косач, (Леся Украинка), Е. Р. Романовым и др.; записи 30—40-летней давности (Г. С. Виноградов, О. И. Капица и др.), а также современные публикации, разбросанные по различным изданиям, до сих пор не были систематизированы.

Рецензируемый сборник представляет собой по существу первый свод белорусского детского фольклора, включающий более 1100 образцов самых разнообразных жанров. В книгу вошли многочисленные современные записи, не публиковавшиеся ранее архивные материалы, лучшие образцы из различных дореволюционных сборников белорусского народного творчества. Сборник снабжен добротным научным аппаратом: вступительными статьями — «Детский фольклор» (автор Г. А. Барташевич) и «Детская песня» (автор В. И. Елатов), подробным комментарием, именным и географическим указателями. Необычайно важны также нотные приложения к отдельным текстам и статья, посвященная мелодике детской песни; ибо своеобразие детского песенного творчества

нередко приводит к невозможности выяснения специфики того или иного жанра без учета таких важнейших признаков, выделенных еще В. Я. Проппом, как форма исполнения и отношение к музыке¹.

В первой вступительной статье не только дается общая характеристика жанров, включенных в сборник, но и освещается история собирания и изучения белорусского детского фольклора.

Начавшееся в первой половине XIX в. собирание и изучение белорусского детского фольклора прежде всего связано с именем крупнейшего дореволюционного собирателя П. В. Шейна. В настоящую антологию составители включили 94 текста из его сборников. Богато представлено в ней и наследие Е. Р. Романова — более 120 текстов, В. М. Добровольского — около 80 текстов и др. В 20-е годы XX в. наиболее целенаправленно собиранием белорусского детского фольклора занимался А. Гриневиц. Его записи также вошли в рецензируемый сборник. И наконец, сборник содержит фольклорные записи, сделанные в последние два-три десятилетия.

Уже первые собиратели пытались выделить детский фольклор в самостоятельную область. Однако им мешало то, что не было единого взгляда на само понятие «детский фольклор», а в связи с этим отсутствовала и подлинно научная классификация. Трудности, обусловленные недостаточным количеством материала и слабой теоретической разработанностью этой области фольклора, не преодолены и на сегодняшний день, что сказалось на некоторых положениях статьи Г. А. Барташевич. Говоря о широте термина «детский фольклор», объединяющего все виды устной народной поэзии, созданной взрослыми для детей, творчество самих детей, а также творчество взрослых, со временем перешедшее к детям, собиратель замечает: «Такая разнородность детского фольклора вызвала необходимость его классификации в зависимости от функциональной роли, которая в свою очередь основывается на художественных особенностях разных видов детского фольклора» (стр. 8).

Г. А. Барташевич, принимая классификацию детского фольклора, предложенную В. А. Василенко, подразделяет его на три основные группы: колыбельные песни; «произведения, связанные с игровыми действиями»; «произведения, которые занимают детей своим поэтичным содержанием и употребляются независимо от игры» (стр. 9).

Эта классификация нуждается в серьезных уточнениях и не может быть принята безоговорочно. Отделяя песни, не связанные непосредственно с игрой, от собственно игрового фольклора (игр и примыкающих к ним «игровых прелюдий»), авторы невольно противопоставляют эти две группы. А между тем и песни-небылицы, и заклички и приговоры, и дразнилки — жанры тоже игровые по своей природе.

Сборник состоит из следующих разделов: 1) колыбельные песни, потешки (калыханкі, забавлянькі); 2) песни, заклички и приговоры, дразнилки (песні, заклічкі і прыгаворы, дражнілкі); 3) считалки, игровые песни (лічылкі, гульні).

Выделяя в первую группу колыбельные песни, исследователь замечает, что они очень рано обратили на себя внимание белорусских фольклористов, активно записывались и изучались. В сборник включено более 300 колыбельных песен, разнообразных по тематике и ритмико-мелодической структуре, отличающихся большой вариативностью.

Особенностью образной системы колыбельных песен, обусловленной их основной функцией — стремлением матери усыпить, убаюкать ребенка, объясняется плавная, укачивающая мелодия (в такт покачиванию люльки) и своеобразная интонация — определяющие признаки жанра. Поэтому особенно важными оказываются подробные описания мелодики этих песен, их интонационных и ритмических особенностей, отмеченные музыковедом В. Елатовым.

Современные записи свидетельствуют не только о бытовании жанра, но и о некоторых изменениях, происходящих в белорусской колыбельной песне.

Например, песни, содержащие архаические мотивы сна и дремы, практически не встречаются среди современных текстов. Меняется ритмика и мелодика песен. Составители отмечают влияние профессиональных форм музыкального искусства на мелодический строй белорусской колыбельной песни.

Кроме колыбельных песен «поэзия пестования» представлена в сборнике так называемыми забавлянками, или потешками (более 100 текстов).

Большое место в сборнике занимают песни-небылички, заклички и приговоры. Нотные приложения, а также подробный комментарий музыковеда раскрывают особенности мелодики белорусских небыличек. Интересны замечания составителей о метрико-ритмической структуре закличек и приговорок как основного, определяющего признака жанра.

Игры и считалки (по терминологии Г. С. Виноградова, «игровые прелюдии»), условно объединяемые в игровую фольклор, завершают сборник.

Считалки наряду с дразнянками — один из самых популярных жанров. Тексты (их около 200), помещенные в сборнике, свидетельствуют о постоянном развитии и изменении репертуара считалок, обогащении их лексики, появлении новых понятий.

¹ В. Я. Пропп, «Принципы классификации фольклорных жанров», «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 149.

Не менее полно и интересно собрание игр, включенных в сборник. Это и хороводные игры, и спортивные, и игры с приговорами, и т. д. Собираатель довольно подробно проследживает историю изучения жанра, пытается обозначить специфику белорусских детских игр.

Итак, перед нами фундаментальное собрание детского фольклора. Значение этого сборника выходит далеко за пределы белорусской фольклористики. Он в равной степени представляет интерес и для исследователей русского детского фольклора, прежде всего тем, что в детском фольклоре восточных славян много общего, что, кстати сказать, отмечает в предисловии Г. А. Барташевич, к тому же антологией подобного масштаба русские фольклористы пока не располагают. Более того, это одна из крупнейших антологий детского фольклора не только в восточнославянской, но и в славянской фольклористике в целом. Однако даже эта книга при всем богатстве и многообразии материала не отражает полной картины современного состояния белорусского детского фольклора. Вне поля зрения остались такие популярные жанры, как страшные истории, или страшилки, детские частушки и загадки, школьный и пионерский фольклор. Видимо, необходимо длительное собрание и кропотливое изучение детского фольклора, необходимыми новые сборники. Радует то, что первые шаги уже сделаны. Одно из лучших тому доказательств — сборник белорусского детского фольклора.

Е. М. Гин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972, 474 стр.

Мунджанский язык относится к так называемым памирским языкам, входящим в состав восточноиранской ветви иранских языков. Памирские языки распространены на Памире и в Восточном Гиндукуше на небольшой территории, входящей в состав трех государств. Это Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР вдоль советско-афганской границы по правому берегу р. Пяндж, территория на левом берегу Пянджа (Афганистан) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР). На памирских языках говорят всего около 60 тыс. чел. Большая часть памирских языков (шугнано-рушанская группа, ваханский, ишкашимский) представлена как в СССР, так и в Афганистане; язгулямский язык бытует только на территории СССР, мунджанский — только в Афганистане, сарыкольский — в Синьцзяне. Исследование памирских языков в широких масштабах началось в СССР сравнительно недавно, с конца 50-х годов, и ведется в настоящее время в Москве, Ленинграде и Таджикистане¹.

Рецензируемая книга — крупное событие, отражающее успехи, достигнутые в этой области.

Сложность изучения мунджанского языка заключается в том, что он бытует на территории Афганистана в труднодоступной горной области. Первые европейцы появились в Мунджане лишь в 1924 г. Это были советские ученые Н. И. Вавилов и Д. Д. Букчинич. Литература по мунджанскому языку очень скудна. Несколько работ конца XIX в., посвященных этой проблематике, содержали весьма мало конкретных данных. В 1927 г. было опубликовано обстоятельное исследование И. И. Зарубина². Его книгу А. Л. Грюнберг называет «наиболее значительной из имеющихся до сего времени публикаций по собственно мунджанскому языку» (стр. 13). В ней дан подробный комментарий и мунджанскому тексту, имеются словарь и небольшой очерк фонетики и морфологии мунджанского языка. Необходимо также упомянуть работу известного норвежского ученого Г. Моргенштерне³.

¹ В. С. Соколова, Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959; Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык, М., 1959; В. С. Соколова, Бартанские тексты и словарь, М., 1960; И. И. Зарубин, Шугнанские тексты и словарь, М., 1960; Д. Карамшоев, Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963; М. Файзов, Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966; Т. Н. Пахалина, Сарыкольский язык, М., 1966; Д. И. Эдельман, Язгулямский язык, М., 1966; В. С. Соколова, Генетические соотношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, М., 1967; Д. И. Эдельман, Язгулямско-русский словарь, М., 1971; Т. Н. Пахалина, Сарыкольско-русский словарь, М., 1971.

² И. И. Зарубин, К характеристике мунджанского языка, сб. «Иран», Л., 1927.

³ G. Morgenstierne, Yidgh-Munji, «Indo-Iranian frontier languages», vol. II, Oslo, 1938.